

СЕКРЕТНОСТЬ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ В 1920–1940-х гг.

В статье на основе архивных источников и опубликованных материалов рассматриваются особенности секретности в советском обществе в 1920–1940-х гг.

Ключевые слова: тоталитаризм, секретность, конспирация, бдительность, партия, государство, общество, дисциплина.

Секретность присуща уже первобытным коллективам. А с появлением и эволюцией государственности наблюдается как количественный рост субъектов и объектов, так и развитие форм и методов обеспечения секретности. В настоящей статье не рассматриваются проблемы секретности в спецслужбах, военных структурах СССР. В качестве объекта изучения взята секретность как явление советского общества.

История секретности в советском обществе стала в последние годы активно изучаться [2; 4; 14; 15 и др.] (в этой связи вряд ли можно согласиться с категоричной оценкой Г.А. Куренкова, что «работы по проблеме защиты информации в партийных структурах в 1918–1941 гг. в открытых публикациях практически отсутствуют» [10, с. 4]), но вместе с тем она остается пока малоисследованной проблемой и является предметом дискуссий в среде специалистов. А.Н. Чистиков считает, что «обладание секретами, тайной делило население на «посвященных» и «непосвященных». При этом водораздел проходил не только между коммунистами и беспартийными, но и среди членов партии, среди ответственных работников: обладатель более высокой должности получал и более секретную информацию. Все же исключения из этого правила были: оппозиционеры высокого ранга иногда лишались доступа к некоторым «документам партийной жизни» [21, с. 20]. По его мнению, «с одной стороны, расширялся список «доверенных лиц», с другой – секретная информация становилась более многоуровневой («не подлежит оглашению», «секретно», «совершенно секретно», «особая папка») [21, с. 20].

М.В. Зеленов утверждает, что с середины 1920-х гг. «происходила девальвация партийного секрета, который знали все ответственные работники (и многие рядовые члены партии), исполнять который было необходимо, но говорить о котором было строжайше запрещено. При этом ужесточались требования к сохранению секретов...» [6, с. 140].

Л.А. Оников оценивал начало 1920-х гг. как период, когда понятия «партийная тайна» для членов партии вообще не существовало. И только с середины 1920-х гг. в работу прежде всего партийных органов стал внедряться принцип абсолютной секретности [13, с. 35].

Сравнительно слабо в отечественной литературе изучен региональный аспект истории секретности.

Изучая секретность в советском обществе, во-первых, следует учитывать, что тоталитарная, закрытая природа советского общества накладывала отпечаток на протекавшие в нем информационные процессы, делало это общество информационно замкну-

* © Парамонов В.Н., 2012

Парамонов Вячеслав Николаевич (parvja@mail.ru), кафедра истории Отечества Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

тым. Информационная политика партии и государства была нацелена на установление тотального контроля над информационным полем, что должно было обеспечиваться избыточной секретностью, цензурой и жестким контролем над распространением информации на макро- и микроуровне. Уже с первых лет советской власти существовала система перлюстрации, которая постоянно совершенствовалась и расширялась. Материалы, полученные с ее помощью, регулярно представлялись высшему руководству страны, эта практика была заведена еще В.И. Лениным [7], хотя позже, в ст. 128 Конституции СССР (1936 г.), подчеркивалось, что «тайна переписки» охраняется законом [18, с. 23].

Указанные элементы дополнялись дозированнойностью (малый объем предоставляемой о событиях информации либо ее отсутствие; запрет на освещение определенных тем и событий); низкой степенью оперативности информации, когда о многих событиях население узнавало через значительный промежуток времени; сквозным проникновением информации от союзных СМИ до политинформаций на конкретных предприятиях и в учреждениях; централизацией коммуникационной политики и ограниченным количеством коммуникационных каналов; ограничением возможностей для внешнего идеологического воздействия на советских граждан со стороны крупных зарубежных групп влияния, цели которых были направлены на подрыв государственной стабильности и безопасности. Так, в начале Великой Отечественной войны советское руководство приняло оперативные технические меры к перекрытию каналов распространения враждебной пропаганды. В соответствии с решением СНК СССР № 1750 от 25 июня 1941 г. население было обязано сдать в пятидневный срок радиоприемники (ламповые, детекторные и радиолы) органам наркомата связи на временное хранение до окончания войны [12, с. 290–291]. Граждане, не сдавшие радиоприемники, подлежали строгой уголовной ответственности. Постановление Пленума Верховного суда СССР № 29/13/у от 14 июля 1941 г. установило меру этой ответственности. Пленум дал указание: «случаи уклонения от сдачи радиоприемников и радиопередающих устройств, предусмотренной постановлением Совнаркома СССР от 25 июня 1941 г., должны квалифицироваться по ст. 59-6 УК РСФСР (данная статья квалифицировала особо опасные преступления против порядка управления СССР. — В.П.) и соответствующим статьям УК других союзных республик» [17, с. 14].

Все приемники коллективного прослушивания подлежали обязательной регистрации в местных органах связи. Разрешение на право регистрации приемника коллективного слушания в конторе связи выдавал секретарь РК ВКП(б) с утверждением на бюро райкома партии ответственного лица, выделявшегося парторганизацией. Запрещался прием коротковолновых станций. Работники радиоузлов не должны были ни на минуту отлучаться во время трансляций, следя за содержанием радиопередач: если во время перерывов в работе станции в эфир вклинивались фашистские передатчики, им следовало немедленно прекратить работу радиоузлов. Для проведения коллективного прослушивания партийные органы выдвигали ответственное лицо, дававшее подписку. Ответственный работник сам настраивал приемник и все время присутствовал при прослушивании, не отлучаясь ни на минуту. После каждого прослушивания приемник запирался или опечатывался в отдельной комнате или в отдельном шкафу. Состав работников радиоузла подвергался особой проверке и в случае нарушения установленных правил и допущения вражеских передач привлекался к строжайшей ответственности (СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 32. Д. 113. Л. 33-33 об.) [5, с. 498–499].

Во-вторых, объективным фактором усиления секретности в СССР являлось наличие постоянной угрозы, исходившей со стороны внешнего мира, перманентное противостояние советского государства Западу. По словам Сталина, «Буржуазные стра-

ны... окружают Советский Союз, выжидая случая, для того чтобы напасть на него, разбить его или, во всяком случае — подорвать его мощь и ослабить его» (Правда. 1937. 29 марта). Ощущение положения «осажденной крепости» подпитывало нарастание секретности в обществе. Плакаты типа «Болтун — находка для шпиона» были не только распространены, но и понятны людям (в Конституции СССР (1936 г.) прямую о нарушении режима секретности говорила ст. 133 «Измена родине»).

В-третьих, в условиях самодержавного строя Российской империи создание политической партии на легальной основе было невозможным, являлось противозаконным актом и каралось как административно, так и уголовно. Соответственно, одним из наиболее важных инструментов выживания партии становилось соблюдение конспиративных методов борьбы, защита тайны. Конспирация служила необходимым средством самозащиты нелегальных партий. В целях конспирации широко использовались партийные псевдонимы. Подобная практика была перенесена и в советский период, когда коммунисты пришли к власти.

После ликвидации многопартийности в России значение защиты информации в РКП (б), а в дальнейшем ВКП (б) только возросло. Партия превратилась в «государство в государстве», соответственно, имевшее информацию исключительно для внутреннего пользования. Партия в дореволюционный период и в ходе гражданской войны обретала все больше характер военизированной организации. На это указывал летом 1920 г. В.И. Ленин: «В нынешнюю эпоху обострения гражданской войны коммунистическая партия сможет выполнить свой долг лишь в том случае, если она будет организована наиболее централистическим образом, если в ней будет господствовать железная дисциплина, граничащая с дисциплиной военной» [11, т. 41, с. 209]. Отсюда и его тезис: «Хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист» [11, т. 40, с. 279].

Не случайно в большевистской среде было популярно сравнение партии с орденом — разновидностью тайного общества. В 1919 г. писатель и критик А.К. Воронский в докладе на собрании иваново-вознесенской организации назвал партию «революционным рыцарским орденом» (Правда. 1919. 23 февраля). В 1922 г. в статье «Железная когорта революции» Н.И. Бухарин именовал партию «своеобразным революционным орденом», мужественной фалангой бойцов, «в рубцах и шрамах, под славными знаменами, пробитыми пулями и разодранными штыком», которая «идет впереди всех... всеми руководит» [1, с. 35, 38]. Видная нидерландская коммунистка Генриетта Роланд-Хольст сравнивала партию большевиков с орденом иезуитов, называя русских коммунистов «солдатами на службе коммунистического духа» [23, с. 82].

«Компартия как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность» [20, т. 5, с. 71.] — такую оценку партии давал И.В. Сталин в 1921 г. Позднее он так объяснял структуру партии: «В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3–4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал, — генералитет нашей партии. Далее идут 30–40 тысяч средних руководителей. Это — наше партийное офицерство. Далее идут 100–150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство» (Правда. 1937. 29 марта). Такое представление о партии как армии выдвигало секретность в ее жизни, во взаимоотношениях с населением на первый план.

Политбюро ЦК РКП (б) 16 сентября 1921 г. потребовало, чтобы в решениях ВЦИК, СТО, СНК, наркоматов не делались ссылки на решения ЦК [8, с. 378]. Следующая попытка навести порядок в сфере обработки и хранения секретных документов была предпринята 30 августа 1922 г. Тогда Секретариат ЦК РКП (б) принял постановление «О порядке хранения и движения секретных документов». В этом документе впервые

было зафиксировано, что для организации и ведения секретного делопроизводства необходимо создание секретных частей.

30 ноября 1922 г. Оргбюро ЦК утвердило порядок хранения секретных постановлений ЦК РКП (б). В нем подчеркивалось, что в делопроизводстве советских, хозяйственных, профсоюзных органов не должны делаться ссылки на партийные решения (СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 14. Д. 5. Л. 317) [8, с. 378].

Вскоре подобные меры были приняты на нижних уровнях партийного аппарата. Так, «Порядок использования и хранения выписок из решений пленума, бюро и секретариата Тульского обкома ВКП (б)» предусматривал: «1. Товарищ, получающий выписки из заседания Пленума, Бюро и секретариата обкома ВКП (б), не может ни передавать, ни знакомить с ними лиц, коим они не адресованы, если нет на то специального указания обкома ВКП(б). 2. Отметка и дата ознакомления делается на каждой выписке обкома лично товарищем, коему она адресована. 3. Копировка, делание выписок с решений обкома категорически воспрещается. 4. Безусловно воспрещается письменная ссылка на решение обкома в советском и профсоюзном делопроизводстве. 5. Выписки обкома надлежит хранить в особых личных делах у товарища, получающего секретные документы, и ни в коем случае не допускается приложение их к советскому и профсоюзному делопроизводству» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 105. Л. 108 об.). Аналогичные документы существовали и в других партийных комитетах (СОГАСПИ. Ф. 655. Оп. 4. Д. 19. Л. 34 об.; Ф. 1141. Оп. 7. Д. 6. Лл. 11, 18; Д. 8. Л. 74 об.; Оп. 14. Д. 5. Л. 229 об., 230 об., 231).

При этом, как показывает изучение архивных материалов, установленные правила не всегда соблюдались. Документы исключительно партийного характера путем снятия копий передавались в советские учреждения и хранились в советском делопроизводстве, а закрытая партийная информация пересылалась простой почтой. Допускалась небрежность в хранении секретных документов (См.: СОГАСПИ. Ф. 655. Оп. 4. Д. 4. Л. 233; Ф. 1141. Оп. 6. Д. 14. Л. 17; Оп. 7. Д. 8. Л. 34; Оп. 14. Д. 4. Л. 2).

В-четвертых, на протяжении 20-30-х гг. властями неоднократно заявлялось об обострении классовой борьбы, и в этих заявлениях отражалась внутренняя конфронтация в стране, недовольство населения действиями властей (См., напр.: СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 14. Д. 4. Л. 68) [20, т. 11, с. 171; т. 12, с. 10, 31, 33]. В таких условиях ставилась задача недопущения разглашения решений и мероприятий, намечаемых партийными органами (СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 4. Д. 53. Л. 85).

В уставе ВКП (б), принятом на XVII съезде ВКП (б) (1934 г.), впервые появился параграф, в котором говорилось об обязанности члена партии «соблюдать строжайшую партийную дисциплину», «быть образцом соблюдения трудовой и государственной дисциплины» [19, с. 674]. В комментариях к уставу ВКП (б) отмечалось: «Всякое нарушение на практике партийных указаний, партийной дисциплины... является пособничеством оппортунизму и классовому врагу» [9, с. 46]. Пункт 60 устава фактически указывал на необходимость бдительности в партии в условиях наличия так называемых двурушников [19, с. 680]. «Двурушник, — подчеркивалось в комментарии к уставу, — может оставаться неразоблаченным лишь там, где притуплена революционная бдительность, где господствует благодущие, где “партийное хозяйство” и организационно-партийная работа находятся в загоне... Вот почему партия с особой силой требует теперь всемерного повышения революционной бдительности» [9, с. 170].

Интересна трактовка понятия «государственная и партийная тайна», изложенная в газете «Правда» в марте 1937 г.: «Самое понятие партийного и государственного секрета сейчас значительно шире, чем в годы подполья. Наша партия — вождь и организатор трудящихся, правящая партия в стране несокрушимой и растущей государственной мощи. И малейшее отступление от советских законов, требующих от нас

соблюдать государственную тайну, влечет за собой измену родине, наносит ущерб интересам и судьбам миллионов трудящихся. Каждый коммунист должен твердо, раз и навсегда запомнить, что нет больших и малых партийных тайн. Врагу на руку любой секрет нашей партийной жизни, любое сведение экономического и оборонного характера. Малейшая, на первый взгляд как будто ничтожная, тайна, ставшая известной большому кругу лиц и выданная сознательно или бессознательно (это роли не играет) врагу, подрывает нашу мощь» (Правда. 1937. 23 марта) [26, с. 33–34].

Одним из направлений деятельности властей по обеспечению защиты информации в руководящих органах являлось максимальное ограничение круга лиц, имевших доступ к секретной информации. Персональную ответственность за состояние учета и хранения секретных документов в горкомах и райкомах ВКП (б) несли вторые секретари, а там, где их не было, заместители секретарей ГК и РК ВКП (б). Допуск к секретной информации оформлялся только после проведения ряда мероприятий организационного и технического характера.

Каждый вновь принимавшийся на секретную работу допускался к ней только лишь после оформления «личного дела», соответствующей проверки его органами НКВД и не иначе как с обязательным согласованием кандидатур с местными органами НКВД (СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 7. Д. 43. Л. 28, 29). Тот, кто должен был заниматься секретно-шифровой работой в партийном органе, давал подписку. В качестве примера приведем документ Средневолжского крайкома ВКП (б): «Я, нижеподписавшийся (ФИО), даю настоящую подписку крайкому ВКП (б) (наименование парторгана) в том, что обязуюсь выполнять объявленные мне правила обращения с секретными бумагами и все могущие быть известными государственные тайны, нигде и ни в какой мере не разглашать, как с момента вступления на секретную/шифровальную работу, так и после отбытия. О своих новых местах жительства как временного пребывания или оставления секретно/шифровой работы в вышеуказанной партийной организации, обязуюсь своевременно уведомлять крайком ВКП (б) в течение двух лет. Мне известно, что за несоблюдение этого обязательства я несу ответственность во внесудебном порядке, согласно известного мне постановления Президиума ЦИК СССР от 26 мая 1927 г. Число, подпись» (СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 14. Д. 8. Л. 1 78, 180). В анкете кандидата на должность было 27 вопросов, в том числе: работали ли на шифрработе/ или секретной, когда, в каком учреждении и на каких должностях. Аналогичные по сути документы подписывались во многих организациях, учреждениях и на предприятиях.

Ряд информационных ограничений был установлен для прессы и иных печатных изданий. На наш взгляд, ужесточение цензуры, особенно в военный период, частично было оправдано. В мире в целом в XX веке печать стала одним из важнейших источников информации о потенциале, настроениях в странах, и задача цензора заключалась в том, чтобы противник при самом тщательном изучении печатного материала не мог получить сведений, представляющих для него ценность.

Нельзя было публиковать данные о наличии воинских частей, о военно-оборонительном строительстве, о состоянии здоровья призывников, о наличии госпиталей в конкретном пункте, о выполнении планов промышленными предприятиями. Не подлежали оглашению даже показатели по производству мыла, мороженого, пива, соли, горчичников, противозачаточных средств, репродукций картин. Военный перечень сведений, не подлежащих к разглашению в печати, в разделе 25 параграфа 269 запрещал публиковать «описание и планы водопроводов городов и промышленных пунктов». Экономический перечень сведений, не подлежащих к разглашению в печати, в разделе 8 «Гражданское строительство» параграфа 80 запрещал оглашать в печати «принятые к осуществлению проекты и схемы электроснабжения, теплофикации и

газификации городов и заводов». Не допускалось разглашение любых военных, экономических и технических секретов, сообщение номеров заводов (СОГАСПИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 143. Лл. 10–1; Ф. 656. Оп. 5. Д. 83. Л. 12; Оп. 33. Д. 74. Лл. 5–6; ГУСО ЦГАСО. Ф. Р-2247. Оп. 8. Д. 8. Лл. 14–21; ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 1. Л. 201-2-2, 230, 232, 241, 247, 250) [15, с.410-411].

Ни одна запись, сделанная при Всесоюзной переписи населения 1926 г., не должна и не могла быть использована для каких-либо целей, кроме составления статистических таблиц, которые публиковались и распространялись на всеобщее рассмотрение в опубликованных сводных итогах переписи. Это положение было предусмотрено особым постановлением ВЦИК и СНК СССР от 27 сентября 1926 г., опубликованном в «Известиях ЦИК и СНК СССР» (1926. № 206). Согласно ему, ни одно учреждение – местное или центральное – не имело права под страхом ответственности пользоваться материалами переписи для налоговых или каких-либо других целей, кроме статистических (ГУСО ЦГАСО. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 632. Л.73). Материалы переписи 1937 г. вообще хранились в тайне более 50 лет.

В феврале 1944 г. были введены «Правила по сохранению военной тайны в печати Красной Армии (на военное время)», утвержденные начальником Генштаба генералом армии А. Антоновым. Эти правила предусматривали публикацию в открытой печати только тех сведений, которые не представляли собой государственной тайны или не давали косвенных признаков для ее раскрытия. Правила состояли из четырнадцати разделов, к ним прилагались: перечень частей и соединений Красной Армии, о составе и организации которых разрешалось упоминать в открытой печати; перечень вооружений и боевой техники Красной Армии, разрешенных к открытому опубликованию [16].

Однако, как показывает изучение документов, нарушения сохранения тайны были неединичными. В сентябре 1934 г. за опубликование в районной газете «Колхозный клич» Камешкирского района Средневолжского края телеграммы Сталина и Молотова о мобилизации средств в третьем квартале временно исполняющему должность редактора Ступникову был объявлен выговор (СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 6. Д. 21. Л. 61).

Секретарь Средневолжского крайкома ВКП (б) М. Хатаевич в письме редакторам районных газет и секретарям райкомов отмечал в сентябре 1933 г., что «За последнее время на страницы ряда районных газет попадают документы, не подлежащие опубликованию (телеграммы тт. Молотова и Кагановича о мобилизации средств – в Майнской газете, ряд директив крайкома и др.), что свидетельствует о безответственном отношении редакторов этих газет, а нередко и самих райкомов к партийным документам.

Последний раз и самым решительным образом предупреждаю о недопущении в дальнейшем фактов подобной безответственности. Категорически запрещено опубликование каких бы то ни было партийных документов в печати без согласования с секретарем райкома или его заместителем. За нарушение элементарных правил обращения с партийными документами крайком будет привлекать виновных к самой суровой ответственности» (СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 12. Д. 3. Л. 233).

В докладной записке зам. начальника Средневолжского краевого управления по делам литературы и издательств (Крайлита) И. Гудова в ноябре 1933 г. констатировалось, что нарушения «по охране гостайн идут в большей мере по районной печати – это опубликование сведений об эпизоотиях, расположении воинских частей и предприятий оборонного характера, их работе, об отливе средств из сберкасс и т.д.» В качестве примеров изъятой литературы И. Гудов приводил следующие издания: «15 лет Средней Волги в цифрах (с грифом не подлежит оглашению)» (Краевое УНХУ) за нарушение постановлений ЦК и крайкома об изъятии и недопущении к печати

сводных данных за первую пятилетку, а также за ряд безграмотных вредных политических формулировок в тексте; «Производство бертолетовой соли» (Издательство техпромпкомбината №2 г. Чапаевска – «за открытие местонахождения, характера работы и мощности чапаевских секретных химических заводов»; «О возрастании роли коммунистов в борьбе за качественные и количественные показатели промфинплана» (Чапаевский ГК ВКП (б) – «за вскрытие военно-химических производств, находящихся в Чапаевске» (СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 14. Д. 7. Л. 247, 248).

С течением времени режим секретности в партийно-государственной сфере постепенно распространялся на все новые и новые сферы государственной и общественной жизни страны. Избыточная секретность вела к тому, что не только важнейшие, но и менее значительные решения внутри партийного и государственного аппарата носили секретный характер. Попытки и дальше засекречивать то, что всем было известно, утрачивали остатки рационального смысла. Когда засекречивалось огромное количество прямых показателей военно-промышленного производства, то не учитывалось, что косвенные показатели, о которых сообщалось открыто, раскрывали и эти прямые показатели. Начальник Центрального Института Труда Наркомата Оборонной промышленности СССР А. Гастев в 1937 г. по этому поводу писал так: «У нас творятся удивительные вещи: в заводских многотиражках не называются объекты основных цехов, о которых каждый ребенок знает из учебников по химии, а вот об объектах инструментальных мастерских пишут, часто указывая их номенклатуру. Всего опаснее именно эмпирический метод засекречивания. Временами кажется, что скоро все будет засекречено, кроме того, что нужно действительно засекретить. Прежде всего, это – чертежи, калибры, приспособления и прочее незначительное по весу имущество, которое предопределяет судьбу всего производства» [3, с. 53–54].

На заседании Совета научно-технической экспертизы при Госплане СССР 16 августа 1941 г. ученые В.Н. Образцов, В.П. Бушинский, И.П. Бардин, С.И. Вольфович обращали внимание на то, что излишняя засекреченность и разобщенность ведомств мешают внедрению достижений науки и техники в производство. И.П. Бардин подчеркивал: «Необходимо просмотреть все секретные дела и рассекретить на 95 %. Засекречение – палка о двух концах. Здесь бьют сроки и незнание. Одно дело засекречивать до войны и другое дело – во время войны. Огнеупорные трубы, которые никакого секрета не представляют, идут по секретной линии. Рассекречение ряда вопросов выведет на чистую воду многих людей... Англичане не засекречивают вещей, которые немцам известны. У нас изымают планы некоторых городов, например Москвы, а у немцев эти планы изданы гораздо подробнее, чем наши». С.И. Вольфович привел пример того, как Главное управление пожарной охраны 4 года секретило составы, которые нужны для покрытия чердачных перекрытий, в то время как в Англии, Германии и других странах эти рецепты может получить каждый желающий» (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 2174. Л. 28–37).

Все это свидетельствовало о том, что засекречивание уже определялось не столько государственной необходимостью, сколько интересами партийно-государственной бюрократии.

Библиографический список

1. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. 510 с.
2. Володина Н.А. Политический контроль в советском государстве: 1917–1953 гг. Пенза: ПГУАС, 2009. 403 с.
3. Гастев А. Мобилизация производства на военные и предвоенные годы. М.: Б.и., 1937. 80 с.

4. Дианов С.А. Органы Главлита на Урале в межвоенный период (1920–1941 гг.). Пермь: ПОНИЦАА, 2011. 334 с.
5. Забвению не подлежит: в 3 кн. Кн. 3. Страницы нижегородской истории (1941–1945). Н. Новгород: ВВКИ, 1995. 672 с.
6. Зеленев М.В. Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП (б): цензура и историческая наука в 1920-е годы. Н. Новгород: Нижполиграф, 2000. 538 с.
7. Измозик В.С. Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 26–35.
8. Подлинная история РСДРП-РКП (б) – ВКП (б). Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций / Измозик В., Старков Б., Павлов Б. [и др.]. СПб.: Питер, 2010. 496 с.
9. Коссой А. Об уставе партии. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. 184 с.
10. Куренков Г.А. Организация защиты информации в структурах РКП (б) – ВКП (б). 1918–1941 гг.: автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 2010. 28 с.
11. Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1964–1975.
12. Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУРК «Смерш». 1939 – март 1946 // Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти / под ред. А.Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 2006. 640 с.
13. Оников Л. Вельможные игры // Родина. 1994. № 2. С. 33–37.
14. Офицерова Н.В. Политический контроль в промышленном сообществе в 1920-е гг. (на материалах Северо-Запада России): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 28 с.
15. Парамонов В.Н. Информационный контроль в СССР в условиях войны // Великая война и великая победа народа: в 2 кн. Кн. 1. М.: Институт российской истории РАН. НКЦ «Академия», 2010. С. 402–428.
16. Правила по сохранению военной тайны в печати Красной Армии (на военное время). М.: Б.и., 1944. 20 с.
17. Сборник действующих постановлений пленума и директивных писем Верховного суда СССР 1924–1944 гг. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. 228 с.
18. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1961 г. М.: Изд-во «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 1961. 976 с.
19. XVII съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934. 720 с.
20. Сталин И.В. Сочинения: в 13 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1946–1951.
21. Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1917–1920-х гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007. 31 с.
22. Шпионам и изменникам Родины нет и не будет пощады: сб. ст. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. 68 с.
23. Roland-Holst H. Die Aufgabe der Kommunistischen Partei in der proletarischen Revolution // Kommunismus. 1921. Н. 3–4.

*V.N. Paramonov**

PRIVACY IN SOVIET SOCIETY IN 1920-1940s

The peculiarities of privacy in Soviet society in 1920-1940s on the base of archive and published data are viewed in the article.

Key words: totalitarianism, privacy, conspiracy, vigilance, party, state, society, discipline.

* *Paramonov Vyacheslav Nikolaevich* (parvja@mail.ru), the Dept. of History of Native Country, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.